

Е.Н. Гнатик

Проблемы ценности жизни и здоровья человека в свете перспектив генетической инженерии

Проблема человека и его здоровья на рубеже третьего тысячелетия приобрела особую научную и аксиологическую актуальность. Здоровье является гуманитарной ценностью само по себе, кроме того, оно представляет собой необходимое условие для возможности реализации ценностей более высокого порядка.

В настоящее время проблему здорового человека следует рассматривать как глобальную проблему. Как известно, тысячелетнее развитие практики и познания широко раздвинуло горизонты человеческого воздействия на природу. Но оказалось, что такие горизонты не безбрежны, и существуют границы, выход за которые ставит цивилизацию на грань существования. Становление и развитие техногенного мира характеризуется не только глобализацией социума, но и столь существенной трансформацией биосферы и человека, что это приводит к деформации и уничтожению прежних биосферных форм жизни, природы и человека. Речь идет в первую очередь о глубинных экотехнологических переменах в мире под воздействием достижений научно-технической революции, а также многих других факторах, вызывающих негативные социальные и экологические последствия. Повышение уровня радиации, экологические яды, мутагены и канцерогены в окружающей среде — все эти и другие факторы способствуют накоплению вредных мутаций и, как следствие, ухудшению здоровья, раз-

личным психическим отклонениям, патологиям. Развитие радио- и телекоммуникаций, улучшение инфраструктуры мест обитания человека (например, развитие сети дорог), связанные с научно-техническим прогрессом, приводят к изменению брачной практики, распадам ранее изолированных популяций, существенным изменениям миграционных тенденций населения, что обуславливает значительное перераспределение генов (в том числе и патологических) и, следовательно, приводит к существенному изменению частоты наследственных и ненаследственных заболеваний в популяциях человека¹. Полноценное существование человека, обеспечение его здоровья и максимальной продолжительности жизни оказываются под угрозой.

С особенной остротой данная проблема звучит в нашей стране. Выдвижение проблемы здоровья в ряд приоритетных задач общественного развития обуславливает актуальность теоретической и практической разработки данной проблемы, необходимость разворачивания соответствующих научных исследований и выработку методических и организационных подходов к сохранению здоровья, его формированию и развитию. Наряду с тематикой индивидуального и общественного здоровья на одно из центральных мест в повестке дня современного человечества выходит проблема сохранения человеческой личности, сохранения человека как биосоциальной структуры. Эту глобальную проблему иногда обозначают как современный антропологический кризис.

На рубеже третьего тысячелетия научные исследования все интенсивнее направляются на познание возможностей человека и разработку самых разных способов воздействия на него. Особая роль здесь принадлежит молекулярной антропогенетике. Именно благодаря развитию молекулярной антропогенетики и генетической инженерии проблема человека, его сущности и существования, его природы и предназначения, его настоящего и исторического будущего становится особенно актуальной. А задача всестороннего развития человека, совершенствования его духовных и физических качеств, его нравственности и культуры приобретает практический характер. Успешное решение этой задачи становится одним из главных условий дальнейшего развития человечества, его выхода из глобального кризиса.

Человек — творец истории и сам является продуктом социально-исторического процесса. До сих пор создание человека историей осуществлялось в границах духовных черт личности. Но, похоже, в начале XXI в. перед историей открываются иные перспективы — создание новой биологической основы субъекта исторического процесса. Такие перспективы открываются в связи с выдающимися достижениями современной молекулярной биологии, антропогенетики, генетической инженерии и особенно с возможностями модификации биологических основ человека. Таким образом, впервые в истории человечества возникает реальная опасность разрушения той биогенетической основы, которая является предпосылкой индивидуального бытия человека и формирования его как личности; той основы, с которой в процессе социализации соединяются разнообразные программы социального поведения и ценностные ориентации, хранящиеся и вырабатываемые в культуре. Речь идет об угрозе существования человеческой телесности, которая является результатом биоэволюции, насчитывающей миллионы лет, и которую начинает активно трансформировать современный техногенный мир.

Генетические технологии в применении к человеку породили весьма непростые и пока далекие от приемлемого всеми решения вопросы, главный из которых звучит так: к чему может привести бурное развитие геной инженерии и, в особенности, бесконтрольные манипуляции с генами? Существует множество реальных и гипотетических факторов, представляющих опасность развитию человечества. Актуальной задачей на современном этапе является установление реальных пределов использования научно-технических возможностей генетической инженерии. Причем такие решения должны быть всесторонне взвешенными, а любые возражения против научного прогресса должны учитывать неоспоримый факт его положительных перспектив.

Необходимо подчеркнуть, что значение достижений антропогенетики и генетической инженерии выходит далеко за рамки лишь области научно-познавательной деятельности. Благодаря постоянно усиливающейся социальной ориентации биологии антропогенетика выходит в область практической дея-

тельности людей, интенсифицируется процесс превращения ее в непосредственную производительную силу общества. Связи и отношения антропогенетики с практической деятельностью становятся все более тесными и многосторонними. Более того, реальная возможность практической модификации генетических основ человека может привести к изменению самого способа бытия человека в мире.

И, действительно, есть достаточные основания для утверждения о том, что по сути может измениться способ бытия человека в мире. Становится вполне реальным наступление эры покорения человеком самого себя. Если неолитическая революция, определившая возникновение цивилизации, привела к переходу от присваивающей экономики к производящей и поставила человека в позицию активного отношения к природной среде, оставляя при этом биологическую природу самого человека за границами такой активности, то в настоящее время наступает такой переломный период в развитии общества, когда предметом преобразующей активности человека становится его собственная природа. Другими словами, объектом целенаправленного преобразования становится не внешняя человеку природа, а его собственная природа, природно-биологические основания его жизнедеятельности. Или, что то же самое, по отношению к самому человеку складывается тот тип управления, который ранее применялся только по отношению к природным вещам, предметам, системам.

Это конкретно проявляется в целом ряде новых направлений генетической инженерии. Например, применение преимплантационной диагностики и проведение исследований эмбриональных стволовых клеток прокладывают прямой путь к превращению в привычные и обыденные манипуляции, связанные с коррективкой и овеществлением жизни человека до его рождения. Ведь после проведенной преимплантационной диагностики родители оказываются перед выбором: принять решение либо о дальнейшем развитии, либо об элиминировании эмбриона. Здесь явно просматривается «интенция к улучшению», а именно преднамеренная селекция с целью генетического оптимизирования: ребенок может родиться на свет лишь в том случае, если он соответствует определенным удов-

летворяющим родителей параметрам качества. В случае проектирования ребенка не только те или иные черты, но и сам ребенок как таковой уже является сотворенным, «сделанным» родителями не просто в генетическом или социопсихологическом, но и в технологическом смысле. В данном случае будущий человек может восприниматься другими как достаточно произвольно конструируемое существо, порождаемое не столько природой, сколько реализацией человеческого замысла. Иначе говоря, родители, желающие иметь ребенка «в улучшенном варианте», на самом деле получают не просто своего собственного уникального ребенка, а некоторый продукт биотехнологических манипуляций.

Преимплантационная диагностика направлена на искусственный отбор более здорового эмбриона, а потому очевидным является то, что она руководствуется теми же мотивами, что и евгеническая практика. Ученый, превращаясь если не в Демиурга, то в соавтора чужой жизни, принимает селекционное решение, ориентирующееся на желательное с его точки зрения строение генома. В данном случае можно говорить об исходном подчинении эмбриона власти другого человека. В какой степени это согласуется с достоинством человеческой жизни? Субъект становится объектом и по сути вещью, которая создается в самом непосредственном смысле («овеществление эмбриона») другим субъектом. Кардинально изменяется тип межличностного общения, что с неизбежностью приведет и к кардинальному изменению типа общественных отношений, включая сюда экономические, социально-политические, культурные отношения.

Более того, манипуляции с генетическим материалом связаны с появлением новых рычагов управления и власти над человеческой жизнью и, следовательно, с новым набором средств ограничения человеческой свободы. Однако очевидным представляется то, что биологическое ограничение свободы — это наиболее эффективное ее ограничение, связанное с возможностью ее необратимой утраты². Особый драматизм (а скорее — трагизм) ситуации придает то обстоятельство, что зависимость программируемого субъекта от своих «проектировщиков» и «заказчиков» носит необратимый характер. В данном случае вза-

имные отношения между врачом и пациентом напоминают модель сакрального типа (термин Р.Н. Вильсона)³, т.е. патерналистскую модель: моральный авторитет врача осуществляет мощный прессинг на пациента, подавляя его свободу и достоинство. Эта модель полностью освобождает пациента от моральной ответственности. В ходе биотехнологического программирования ученый, планирующий наследственную программу, выступает в роли «генетического дизайнера» и «в одностороннем порядке распоряжается генофондом другого человека, по-патерналистски задавая в отношении зависимой от него личности направление развития, релевантное на протяжении всей истории ее жизни»⁴. Последствия необратимы, поскольку вмешательство осуществляется в генетическую программу, изменить которую будет нереально.

Таким образом, попытка решения проблемы физического и психического здоровья человека биоинженерными методами может спровоцировать новые, весьма серьезные проблемы, проблемы деформации способа бытия человека в мире. Представляется вполне реальным, что смена способа бытия человека в мире неизбежно повлечет за собой качественные изменения в системе сознания. Другими словами, генная инженерия человека, создавая средства, позволяющие вторгаться извне в человеческую природу и господствовать над ней, кардинально меняет фундаментальное отношение субъекта и объекта, которое задают основополагающие установки и ценности сознания. Фактически может исчезнуть представление о субъекте, обладающем свободой воли, свободой самому определять свою судьбу. Попробуем более конкретно охарактеризовать возможные качественные изменения сознания, вызванные достижениями генетической инженерии.

Как известно, в настоящее время существует несколько фундаментальных, различающихся между собой концепций сознания⁵. Мы подойдем к этой проблеме с позиций того, что сознание является формой отражения действительности активно действующим исторически развивающимся субъектом; носителем сознания является высокоорганизованная материя мозга; сознание всегда есть некий образ действительности. При этом любой образ как продукт сознания включает в себе двой

ственное отношение: 1) к отображаемому предмету; 2) к субъекту и условиям отражения. Первое отношение представлено знанием (объективированные в словах, знаках, навыках, схемах и других формах обобщенные элементы сознания, благодаря которым различаются предметы материального мира, сам человек, объекты культуры). Знание — основа, стержень сознания. Но сознание не сводится только к знанию. Кроме знания, сознание содержит еще и отношение к субъекту и условиям отражения, к потребностям, интересам, мотивам и целям деятельности. Оно выражается через эмоционально-волевую, аффективную сферу переживания и воплощается в системе смыслов, ценностей, оценок, самооценок, самоощущения и др. Таким образом, сознание наряду с познавательной сферой (знания) содержит и сферу ценностей с ее аффективно-эмоциональной составляющей. Когнитивное и ценностное в сознании теснейшим образом связаны и взаимно определяют друг друга. При этом следует иметь в виду, что свой духовный мир человек ощущает в первую очередь через аффективно-эмоциональную, ценностную сторону сознания, а затем уже через когнитивную сферу сознания. Но именно аффективно-чувственная, эмоциональная сторона в большей степени может быть трансформирована в постцивилизационном сознании.

Какие же качественные изменения в когнитивной и ценностной сферах сознания могут произойти (или неизбежно произойдут) в постцивилизационном сознании? Сначала об изменениях в когнитивной сфере сознания. Эти изменения связаны прежде всего с достижениями антропогенетики и генетической инженерии. Они состоят в познании глубинных закономерных связей между генами и структурными особенностями мозга человека, которые пока еще исследованы крайне недостаточно, а также в разработке средств целенаправленного воздействия на эти закономерные связи. Пока еще этот объект (закономерные связи «гены—мозг») изучается преимущественно эмпирически, а значит, часто стихийно, на основе случайных поисковых ассоциаций, временных обобщений и др. Перспективы активного вмешательства в деятельность мозга с целью его реконструкции и создания «сверхчеловека» представляются пока весьма отдаленными.

Вместе с тем вся система антропогенетических знаний и средств генетической инженерии существует не сама по себе, а в свою очередь включена в широкий смысловой контекст, который формируется во взаимодействии когнитивных и ценностных функционалов сознания в конкретной социально-культурной обстановке. На наш взгляд, главным смыслом здесь должно являться сохранение человеческой индивидуальности, свободы и прав человека. Это касается не только различных манипуляций с эмбрионами, но и воздействия на мозг и психику человека, его сознание и поведение, что может привести к «кризису идентичности»⁶, утрате человеком представления о своем месте в мире, в обществе, о самооценности собственной личности. Более того, как остроумно заметил Ж.Лежен, «чтобы создать более умного, чем мы, мы уже должны быть умнее, чем мы можем быть»⁷. По его мнению, невозможно «с помощью трюков геной инженерии» создать «суперчеловечество». Вместе с тем, безусловно, нельзя абсолютно отбрасывать саму идею воздействия на мозг и психику человека в благотворном для него направлении. Отрицание ее также недопустимо, как и отсутствие социальной ответственности в данном вопросе. Однако научные возможности и, главное, последствия генетического вмешательства на сегодняшний день окончательно не ясны. А потому представляется, что подобные манипуляции допустимы только в исключительных случаях, при особых хронических заболеваниях, когда риск терапии меньше риска последствий самой болезни.

Есть еще один аспект во взаимосвязи проблемы здоровья и перспектив генетической инженерии. Вне всякого сомнения, в иерархии ценностей весьма высокий ранг занимает ценность индивидуальной человеческой жизни и человеческого здоровья. Здоровье человека выступает как одна из важнейших составляющих человеческого потенциала, сохранение, развитие и реализация которого должны рассматриваться как главный ориентир и вместе с тем как важнейший показатель развития общества⁸. Значительный акцент на здоровом образе жизни указывает на то, что сегодня, как никогда ранее, человек приближается к тому, чтобы стать властелином своего здоровья. Возможность контролировать свое здоровье позволяет людям

все в большей степени воспринимать себя как существ автономных, самодостаточных и свободных. Вместе с тем открывающиеся сегодня человеку широкие перспективы стать хозяином своего здоровья могут обернуться и своей противоположностью, когда забота о собственном здоровье может существенно изменить, если не поработить, индивидуума, то есть может оказаться не «здоровье для человека», а наоборот — «человек для здоровья»⁹. Возможно, это — один из нежелательных моментов, которые несет с собой тенденция восприятия здоровья как высшей ценности. Так уже сегодня намечается тенденция сводить цели биомедицины к «чисто утилитарным», т.е. сужать сложное разнообразие природы человека до нескольких простых категорий, таких как самостоятельность, боль или удовольствие¹⁰.

В настоящее время становится все более бесспорным, что вопросы здоровья человека не могут рассматриваться вне пути его духовного становления. Существует органическая связь физического здоровья со здоровьем духовно-психическим, а последнего — с ценностно-целевым и ценностно-смысловыми характеристиками. Психическое здоровье человека связано с его духовной самореализацией, которая в свою очередь невозможна вне ценностных ориентаций, мировоззрения, смысла жизни. Духовное богатство личности и ее нравственное совершенство существенно влияют на физическое и психическое здоровье человека.

Сегодня необходим акцент на здоровье как целостной научно-естественной и гуманитарной ценности; здоровье — не просто нормальное биофизиологическое состояние, но и проявление высокой духовности. Это сознательное соотнесение природных условий жизни с ее гуманитарным фактором, раскрывающим и развивающим творческие способности личности и побуждающим ее к саморазвитию и самосовершенствованию, к активной интеллектуальной, творческой и созидательной жизнедеятельности.

К задаче минимизации страданий вряд ли можно относиться однозначно. Вследствие биотехнологической экспансии, основной мишенью которой как раз и является сведение боли и страданий человека к минимуму, а в идеале — полное избавление от них, сложность и индивидуальность человеческой на

туры могут оказаться под угрозой деформации. С одной стороны, бесспорно: боль, немощность, страдания являются серьезной проблемой, требующей своего решения. Однако в видении целью только лишь освобождение от физических недугов и мучений, в стремлении к этой цели как к высшей (оставляя позади все остальные) усматривается упрощение высокого предназначения человека. Наш эмоциональный мир станет куда более бедным, примитивным, если мы перестанем испытывать такие эмоции, как милосердие, терпимость, сострадание, сочувствие, солидарность и т.п. Кроме того, преодоление собственного психического или физического недостатка силой духа всегда имеет большое положительное значение для самой личности и для всего окружающего мира. Д. фон Энгельгардт справедливо замечает: «Существуют разумные основания считать, что здоровье может рассматриваться и как способность переносить травмы, физические недостатки и приближение смерти и успешно интегрировать все это в свою жизнь»¹¹. Таким образом, изменение способа бытия человека в мире является одной из важнейших проблем, становящихся преградой на пути практического применения методов генетической инженерии человека.

Прогресс биологии и медицины не может не оказывать существенное влияние на мироощущение, самоидентификацию и моральное самосознание. В медицине XXI в., активно использующей достижения антропогенетики, речь идет уже не только о помощи больному, но и о возможностях управления процессами патологии, зачатия и умирания с весьма проблематичными «физическими» и духовными, нравственными последствиями. Размах биотехнологического вмешательства не только поднимает непростые и неоднозначные этические проблемы, наподобие тех, что возникали ранее с другими технологиями, но ставит вопросы иные, гораздо более глубокие. Ответы на них касаются мировоззренческого и этического представления человечества о себе самом. Наибольшую тревогу вызывают нынешние и грядущие достижения биотехнологий, главным образом в таких областях, как преимплантационная и пренатальная диагностика, лекарственная терапия и искусственное воспроизводство человеческих существ (клонирование индивидуальных копий).

Широкое практическое применение методов генетической инженерии может привести к тому, что процессы самоидентификации личности, включающие в себя представления о моральном статусе человека, могут существенно измениться, причем именно в худшую сторону. Прежде всего это может проявиться в том, что генетически спроектированные индивидуумы будут ограничены в своей свободе: возможно, они уже не будут в состоянии рассматривать себя как абсолютных и единственных авторов своей судьбы. Как известно, жить в обществе и быть свободным от общества нельзя, но вместе с тем человек должен иметь возможность быть свободным от отдельных лиц или их групп. Однако генетическая инженерия человека приводит к тому, что власть над жизнью и судьбой человека будет принадлежать не ему самому, а совсем другому лицу (группе лиц), которые волевым образом односторонне распорядились его генофондом. В работах ряда современных западных философов (Ю.Хабермаса, Ф.Фукуямы и др.) высказывается серьезная озабоченность тем, что наряду с возникновением биологически запрограммированного неравенства людей, возникает принципиальное и необратимое ограничение их свободы. Тем самым генетическая инженерия человека становится решающим средством ограничения человеческой свободы, ведя к принципиальной утрате человеком даже иллюзий свободы. Ведь «запрограммированная личность» необратимо зависит от «генетического дизайнера». На этом лице (этих лицах) лежит колоссальная ответственность за судьбу человека. Развитие биотехнологии может привести к тому, что у «запрограммированной личности» будут отсутствовать даже самые минимальные возможности влияния на направленность развития своей личности, в конце концов на свою жизненную судьбу.

Из этого, в свою очередь, следует возможность возникновения совершенно новых, по сути беспрецедентных моральных отношений. В частности, в отношениях между поколениями может исчезнуть та грань, за которой человек, становясь взрослым, становится независимым от своих родителей. Но без этой независимости не может появиться взаимное признание, уважение и взаимная ответственность. Таким образом, вполне реально возникновение проблемы обесценивания личности че-

рез вмешательство в геном оплодотворенной клетки. Человек, подвергшийся такой манипуляции, может ощущать свою определенную ущербность, ущербность «морального самопонимания»¹². Ребенок, изначально лишенный альтернативы и заключенный в спроектированной кем-то телесной оболочке, когда станет взрослым, потребует отчета от создателей своего генома и перенесет на них ответственность за свою судьбу. Как справедливо считает Ю.Хабермас, «нельзя исключить то, что знание о евгеническом программировании своего генофонда ограничит автономную организацию отдельным человеком своей жизни, подорвет принципиально симметричные отношения между свободными и равными личностями»¹³.

Современные биотехнологии, с одной стороны, обещают колоссальные потенциальные выгоды для здоровья, но, с другой стороны, представляют собой угрозу в виде возможности модификации природы человека, его эмоционального мира. Необходимо давать себе отчет в том, что вмешательство в человеческую телесность вообще и попытки целенаправленного изменения сферы эмоций в особенности, даже при самых слабых изменениях могут привести к абсолютно непредсказуемым последствиям. Поэтому общество должно своевременно и адекватно реагировать на разработку подобных технологических новшеств. Предыдущий опыт человечества показывает, что к новым достижениям нужно относиться с осторожностью и внедрять их постепенно, учитывая все возможные последствия.

Безусловно, цели, стоящие перед генетической инженерией человека, благородны. Это стремление создать все условия для более качественного здравоохранения, продления активной жизни, освобождения человека от тяжких недугов, в том числе нейродегенеративных, и даже попытка создания более высокого уровня интеллекта. Вместе с тем современные генетические технологии позволяют манипулировать началом человеческой жизни, превращать это начало из естественного события в событие преднамеренно организуемое, реконструируемое¹⁴. Если к этому добавить существующую уже в определенной степени «социальную конструируемость» границ между здоровьем и болезнью, то таким образом получается, что научно-технический прогресс способствует тому, что не только процессы

прихода в этот мир и ухода из него, но и вся человеческая жизнь в существенной мере может быть представлена как социальная конструкция. Технологии направленного вмешательства создают потенциальную возможность формировать и модифицировать человеческую жизнь по чьему-либо усмотрению, в котором не могут быть учтены все возможные в будущем конфигурации жизненных обстоятельств индивида.

Таким образом современные подходы в оценке перспектив генетической инженерии обычно делают акцент на конкретных телесных «деталях» индивида, оставляя в стороне более глубокие уровни человеческого существования, всю противоречивость, сложность и индивидуальность внутреннего эмоционального мира человека. Здесь просматривается стремление разрешить инженерными средствами такие проблемы человека, которые не имеют технологического, инженерного решения. В связи с этим особую важность приобретает вопрос об этическом кодексе ученых-исследователей, врачей, а также о моральной ответственности пациентов за согласие по поводу принятия той или иной методики лечения. Прогресс медицины подчас ведет к возникновению таких ситуаций, когда становится весьма непросто провести грань между тем, что действительно направлено на сохранение или восстановление здоровья, и тем, что диктуется экстремедицинскими соображениями. Нравственные убеждения людей остаются сегодня одним из основных способов защиты общества от потенциальных разрушительных последствий использования новых биомедицинских технологий.

Еще раз подчеркнем, что в случае успешной разработки технологии вмешательства в человеческий геном общество может столкнуться с проблемой самотрансформации человека как вида. Может подвергнуться деформации эмоциональный мир человека и вся человеческая природа, то есть то, что «дает нам чувство морали, обеспечивает нам социальные навыки, необходимые для жизни в обществе, и служит основой более изощренных философских дискуссий о правах, справедливости и морали»¹⁵.

Это значит, что в современном техногенном мире проблема сохранения личности, эмоционального мира человека приобретает совершенно новое измерение. Генетические технологии, ориентированные на разработку терапии болезней чело-

века на молекулярном уровне, а также нацеленные на изменение характерных признаков человеческой телесности, могут привести к трансформации базовых человеческих ценностей. Вмешательство в геном означает обретение власти человеком над собственной природой. А это, в свою очередь, может привести к ухудшению духовного здоровья, а именно к изменениям основ нравственности и морали. Тенденции развития генетических технологий существенно деформируют процесс самоидентификации (и личности, и коллективов, и социальных групп, и всего общества), образ, созданный нами о самих себе, о том, чем именно мы отличаемся от других живых существ. Надо отдавать себе отчет в том, что с человеческой телесностью и первичным эмоциональным строем, который ею продиктован, глубоко связана вся человеческая культура. Это значит, что внедрение методов генетической инженерии человека окажет существенное влияние в том числе и на представления о человеческом достоинстве, на личностную и социальную самоидентификацию, на право на частную жизнь и автономию личности, вызовет деформацию родственных отношений, представлений о справедливости и др.

Уже сейчас достаточно остро звучит проблема применения для терапии различных болезней лекарств, воздействующих на психоэмоциональное состояние человека. Иначе говоря, проблемы модификации психики и социального поведения становятся весьма актуальными. Первые методы модификации сознания с помощью токсико-наркотических составляющих растительного происхождения (мухоморы, курение) и употребления различных содержащих алкоголь субстратов появились еще в глубокой древности. Эти способы временной психостимуляции оказались столь «удачными», что подавляющая часть человечества, как известно, в настоящее время подвержена тем или иным типам «маний» (алкоголь, кофе, табак, наркотики и пр.). Усиливающиеся психические нагрузки, с которыми все чаще сталкивается человек в современном сложном мире, вызывают накопление отрицательных эмоций и порой становятся поводом для применения искусственных средств снятия напряжения и изменения психоэмоционального состояния человека. Сегодня мы являемся сви-

детелями процесса интенсивного распространения как традиционных (транквилизаторы, наркотики), так и новаторских средств модификации психики.

Современные исследования мозга обнаруживают структуры, воздействие на которые может изменять эмоциональные состояния человека, порождать галлюцинации, вызвать отчетливые картины прошлого, которые переживаются как настоящие, и т.п. Не заставили себя долго ждать добровольцы, практикующие методику экспериментов в этой области: вживляют, например, в мозг десятки электродов, которые позволяют слабым электрическим раздражением вызывать необычные психические состояния, устранять сонливость, получать ощущения бодрости и т.п. Однако возникает вопрос: следует ли преодолевать агрессию человека средствами «электронного умиротворения» определенных частей мозга? Следует ли создавать ощущение счастья или, по крайней мере, удовольствия путем стимулирования центров наслаждения? Перечень вопросов можно продолжать, но главный из них, как представляется, может звучать так: нужно ли изменять внутренний эмоциональный мир человека и что за этим может последовать?

Генетическая инженерия открывает новые возможности манипуляций психикой человека путем воздействия на его мозг. Смещение благотворных и чреватых опасностью возможностей в этой области очевидно. Вместе с тем провести между ними четкую грань не так-то легко. Освобождение душевнобольных от мучительных для них симптомов — дело благотворное. Однако от помощи, приносимой отдельному больному, может быть сделан незаметный переход к облегчению общества от тягот, связанных с нежелательным поведением его членов. Иначе говоря, очень легко может быть сделан переход от медицинских к общественным (и не обязательно гуманным) приложениям. А это открывает возможности, внушающие различного рода опасения.

Возможно, что биотехнологи будут стремиться «улучшить природу человека», подавляя «плохие» эмоции (агрессивность, угнетенность, несговорчивость и т.п.), считая, что ученые знают точно и безоговорочно, какие эмоции «хорошие», а какие «плохие». Помимо деформации личности возможно возникно-

вание и других проблем. Достаточно реалистичной представляется, например, ситуация, когда предприятия могут проявить интерес к таким технологиям для повышения производительности труда своих работников. А отсюда уже не далеко до постановки целей социальной манипуляции. Таким образом, существует опасность сделать шаг в направлении от ответственного, обладающего свободой воли субъекта к системам запрограммированного извне поведения личности. Например, если специалисты научатся корректировать поведение человека при наследственно обусловленном слабоумии, то, очевидно, в их руках могут оказаться методы, с помощью которых можно изменять поведение и здоровых людей в неограниченных и непредсказуемых масштабах, вплоть до полного его программирования.

В связи с возникновением подобных возможностей особого внимания заслуживает вопрос о строгом регулировании доступа к генетическим тестам и вмешательствам, направленным на изменение поведения. Лекарственная терапия, лежащая в основе лечения большинства заболеваний, требует особого внимания современного общества. Дело в том, что свободная продажа лекарств в аптеках, бесконтрольный прием препаратов или ошибки при назначении препаратов уже привели к тому, что около четверти заболеваний в мире так или иначе связаны с приемом лекарств¹⁶. Может оказаться, что исследования по психогенетике усилят наблюдающуюся ныне тенденцию к медикализации. Ведь не исключено, что людей могут подталкивать к тому, чтобы с помощью препаратов изменять поведение, которое прежде считалось нормальным¹⁷. Представляется, что необходим строжайший контроль за выдачей рецептов на лекарства. Безусловно, если сегодня будут приняты необходимые меры предосторожности, то в будущем будет возможно предотвратить потенциальные злоупотребления.

Особую опасность представляют препараты, направленные на супрессию или стимулирование генетических механизмов. Несмотря на то, что психотропные средства не изменяют герментативные клетки с перспективой передачи новых наследственных признаков, возможность их бесконтрольного применения ставит весьма серьезные вопросы, в том числе касающиеся представлений о

человеческой индивидуальности. В качестве примера можно привести созданный генными инженерами антидепрессант прозак, увеличивающий уровень серотонина в мозге.

Особенность этого лекарства в том, что оно действует на весьма важные эмоции человека, а именно — на самоуважение и самооценку¹⁸. Традиционными способами преодоления низкой самооценки является воспитание человеком силы воли, упорства в достижении целей, чувства ответственности, добросовестности, жертвенности и т.п. Биотехнология же дает реальную возможность повысить самооценку не собственными волевыми усилиями, а с помощью лекарственного препарата. Использование прозака открывает путь к тому, что сегодня уже называют «косметической фармакологией» (лекарство не ради его терапевтического действия, а просто для улучшения собственной самооценки)¹⁹. Таким образом мы являемся свидетелями первого акта исторического процесса девальвации оценки человеком самого себя, своих деяний, поступков и помыслов.

А с помощью препарата под названием риталин²⁰, созданного для лечения синдрома дефицита внимания — гиперактивности (СДВГ), можно повысить внимание, сосредоточенность, а также существенно снизить уровень усталости и повысить уровень работоспособности. Таким образом, без особых усилий, совершаемых в работе над собой, без лишних умственных и физических затрат, без воспитания воли можно достичь желаемых результатов. Иначе говоря, риталин — лекарство, позволяющее «без труда вынуть рыбку из пруда». Это средство, по сути, делает ненужным самостоятельное преодоление человеком трудностей, т.е. того, что именно и делает индивидуума личностью.

Проблемы нейрофармакологии, возможно, являются лишь «буревестниками» других проблем, вызываемых развитием генетической инженерии человека. Возникновение пренатальной и преимплантационной диагностики, а также постоянное увеличение числа недугов, подлежащих выявлению (с определенной степенью вероятности) еще до рождения человека, создают беспрецедентную по своей остроте ситуацию, когда зачатие ребенка и его рождение перестают являться событиями, происходящими без постороннего вмешательства. Сам этот факт «неподчинения вмешательству извне» имеет весьма существен-

ное значение для человеческого самосознания. Наше отношение к человеческой жизни до момента рождения (или к человеку после его смерти) характеризует нас как людей, как вид и выделяет среди других живых существ. Как полагает Ю.Хабермас, с этим самосознанием тесно связаны наши представления о себе самих как моральных личностях, интуитивные самоописания, на основании которых мы идентифицируем себя антропологически²¹.

Наука активно пытается расширить возможности контролировать причины и факторы патологии и смертности. Активное обсуждение в настоящее время проблемы эвтаназии демонстрирует, что ныне событие человеческой смерти и обстоятельства, при которых оно происходит, нередко носят не естественный характер, а являются следствием определенных технических манипуляций (например, отключения жизнеподдерживающих аппаратов). Отличительная особенность современного биотехнологического подхода видится в его довольно четко проявляющемся конструктивизме. Намечается тенденция восприятия каждого человеческого существа как в определенном смысле «сконструированного», порожденного генами. На этой основе формируется идеология технологического реконструирования организма человека. Согласно этой идеологии в будущем методы генетической инженерии могут использоваться для корректировки не только врожденных, но и приобретенных дефектов, а также могут позволить создавать детей «улучшенной породы». Таким образом возникает допущение (явное или завуалированное), согласно которому человека можно понимать всего лишь как набор отдельных признаков²². Такой по сути механистический подход умаляет значение системной природы функционирования и выражения отдельных генов в рамках генома как целого.

Развитие биотехнологии приводит к тому, что на современном этапе вопросом социальных взаимодействий и принятия согласованных решений становится не только смерть, но и рождение, т.е. начальный, отправной «пункт» человеческой жизни. Однако в этом случае выработка консенсуса является гораздо более сложной задачей. Так трудности с определением момента начала человеческой жизни делают еще более очевид-

ным социально сконструированный (конвенциональный) характер самого определения такого начала²³. Как отмечает Ю.Хабермас, «наше видение доличной человеческой жизни и наше обращение с ней образуют стабилизирующее этиковидовое окружение разумной морали субъектов прав человека, создают своеобразный контекст укорененности, который нельзя разрушить, если мы не хотим, чтобы мораль начала пробуксовывать»²⁴.

Ведь если одни люди будут проводить в отношении других различие между «ценной» и «неценной» жизнью, то это вызывает серьезное беспокойство. Например, в случае обнаружения тяжелой болезни у зародыша ему может быть хладнокровно отказано в праве на существование. Такое решение является, безусловно, односторонним и «не имеющим обратной силы». В этом случае генетическая инженерия используется не как средство для мобилизации медицинской помощи, а как основание для инфантицида, как орудие по сути человеконенавистнической политики «очищения расы» от неполноценных людей. Тем самым общество вступает на путь, ведущий к суждению о том, что «больной — паразит общества». Именно это суждение является определяющим в той «морали для врачей», которую предлагал Ф.Ницше: «...создать новую ответственность, ответственность для врача, для всех случаев, где высший интерес к жизни, восходящей жизни, требует беспощадного подавления и устранения вырождающейся жизни — например, для права на зачатие, для права быть рожденным, для права жить»²⁵. Такая позиция находится «по ту сторону морали». На той стороне морали ценности «милосердия», «любви», «заботы», «сострадания» лишаются самодостаточности и начинают рассматриваться как более или менее удачно используемые средства удовлетворения чьих-либо интересов.

Итак, представляется недопустимым использование человеческой жизни с селекционными целями. При таком использовании может исчезнуть различие между человеком и вещью, произойти изменение самосознания. Причем самосознание изменится и у тех, кто непосредственно участвует в этом процессе, и тех, кто взирает на происходящее со стороны, выражая безмолвное согласие. Таким образом, значимость человеческой жизни девальвируется, в результате чего она может и вовсе по

терять свои позиции на шкале ценностей. Кроме того, «надежды некоторых генетиков на то, что эволюция вскоре может оказаться в их руках, сотрясают категориальное различие между субъективным и объективным, естественно вырастающим и искусственно сделанным в тех областях, которые прежде были недоступны вмешательству человека. Речь идет о биотехнологической редифференциации глубоко укорененных категориальных различий, которые прежде мы инвариантно закладывали в основу наших самоописаний»²⁶.

Человечество уже достаточно ошибалось в прошлом, пора научиться осторожности. Основной принцип осторожности таков: предвидеть последствия, действовать так, чтобы причинить минимум вреда, и так, чтобы любой шаг был обратим. В любом случае не следует принимать важных, судьбоносных решений, пока не будут тщательно рассмотрены все стороны и грани проекта. Если биотехнологический прогресс не служит гуманным целям, а является угрозой целостности духовного мира человека, его правам, свободе и достоинству, общество должно остановиться и задуматься. И либо отказаться от применения достижений науки, либо создать все условия, гарантирующие защиту человека от подобного рода посягательств.

На наш взгляд, можно согласиться с мнением о том, что искусственное проектирование человека «с заданными параметрами», возможно, будет способно создать полноценного, с точки зрения телесного здоровья, индивидуума, но при этом оно может лишить человечество великих эпилептиков, таких, как например, Ф.М.Достоевский, не говоря уже о «гениальных безумцах», таких как Р.Шуман, Ван Гог, Н.В.Гоголь и многие другие. Представляется, что определять, какое именно генетическое наследие будет для потомков «наилучшим», пока является для человека задачей непосильной. Устремления науки должны быть направлены на сохранение бесценной природы человека с ее уникальным духовным миром.

Как уже отмечалось, перед антропогенетикой, генетической инженерией открывается перспектива прямого воздействия на биологическую природу человека, а значит, изменения способа бытия человека в мире, что влечет за собой самые неожиданные и подчас совершенно непредвиденные последствия.

Другими словами, антропогенетика стоит на пороге радикального роста возможностей ее программирующего влияния на человеческую практику, непосредственного изменения биологической природы человека. В настоящее время возникает необходимость социо-нормативного регулирования процесса и результата антропогенетических, генетико-инженерных исследований. Такое регулирование осуществляется как через этические, так и правовые механизмы влияния общества на науку. Причем такое регулирование должно носить не национальный, а международный характер.

В конце XX в. человечество вплотную столкнулось с глобальными проблемами, которые не могут быть решены какой-либо страной в одиночку, они требуют объединений усилий всех государств и народов. В силу процессов глобализации современной науки, межнационального характера производства, интенсивного обмена технологиями не подлежит сомнению, что решение социокультурных задач, возникающих в связи с развитием генной инженерии человека, может быть осуществлено только при действенном всестороннем международном сотрудничестве. Положение здесь двойственное. С одной стороны, настоящие, а также будущие открытия и успехи антропогенетики могут явиться эффективными инструментами, стабилизирующими человеческую цивилизацию, взаимопонимание между народами, а с другой — эти же достижения в ближайшие годы вместо ожидаемых благ могут принести огорчения и страдания, поставить перед человечеством еще более сложные, трудноразрешимые проблемы. Как отмечал академик С.П.Капица, «проект «Геном человека» является международным, и поэтому он порождает общую ответственность за возможные отрицательные социальные последствия»²⁷.

Речь здесь, прежде всего, идет о пренатальной и преимплантационной диагностике, лекарственной терапии и искусственном воспроизводстве человеческих существ (методы клонирования и генетической коррекции клеток зародыша). Опасность генной терапии, пока делающей только первые шаги, связана с не вполне еще ясными последствиями внешней экспансии в геном человека, особенно, если речь идет о герментативных клетках с возможностью передачи новых наследственных признаков. С этических

позиций представляются абсолютно неприемлемыми неоевгенические методы селекции на основе данных о геноме и создание «улучшенных пород людей». Очень трудно представить социальные последствия решения проблемы долголетия. Увеличение продолжительности жизни людей до 120—150 лет может коренным образом изменить весь строй и образ жизни человечества и, кто знает, будет ли это истинным благом (проблемы пищевых ресурсов, регуляции рождаемости, сдвиг демографического равновесия в сторону «поседения» и др.). Также представляется, что наблюдающаяся ныне тенденция лекарственного «насыщения» человечества не может оказаться бесследной. Несмотря на все предпринимаемые попытки ужесточения контроля за новыми препаратами, при их введении в организм велик риск появления реакционно-активных соединений, образующих аутоаллергены, мутагены или токсины. Кроме того, представляется неприемлемым искусственное изменение психоэмоционального состояния человека (за исключением, конечно, случаев, связанных с наличием тяжелого недуга). Несомненным является то, что всякое вмешательство в жизнь и наследственность человека допустимо только по медицинским показателям в целях улучшения здоровья пациентов или их детей²⁸. При этом профессионалы, выполняющие соответствующие процедуры, обязаны обеспечить пациентов полной и доступной информацией о риске нежелательных осложнений, как для самих пациентов, так и для их потомства, чтобы получить добровольное согласие на генно-инженерные манипуляции. От профессионалов требуются также соблюдение должной конфиденциальности и принятие мер охраны интересов всех лиц (родственников, потомков и др.).

Биотехнология человека поднимает массу этических вопросов о правах и о достоинстве человека. Необходимо осознать, что безоглядное развертывание исследовательской антропогенетической программы и ее практическое внедрение чревато серьезнейшими изменениями многих современных представлений. В частности, оно угрожает ломкой устоявшихся ценностей, обосновывающих современные социально-политические организации (понимание демократии, равенства, свободы и т.д.). Настало время учиться бережному и почтительному отношению к человеческой природе, как, впрочем, и к природе в целом.

Отрадно отметить, что международное сообщество уже делает первые шаги в направлении решения соционормативных проблем, возникающих в связи с развитием антропогенетики и генетической инженерии. Постепенно широкое распространение приобретает взаимный обмен медико-биологической информацией через систему Интернет, проводятся международные консультации с участием виднейших специалистов разных стран при решении сложных ситуаций глобального либо регионального характера, а также интернациональные врачебные консилиумы через системы спутникового телевидения. В некоторых странах общественное обсуждение биоэтических проблем медицинской генетики приводит к разработке и принятию этических кодексов, регулирующих взаимоотношения врачей, пациентов и общества в системе медико-генетической службы. Принципиальное значение по предупреждению существующих и ожидаемых негативных последствий применения достижений геномной инженерии, по исключению (или ослаблению) их дестабилизирующего влияния на мировое сообщество имеет принятая в 1997 г. Европейская конвенция по биоэтике²⁹. В ней подчеркнута необходимость предоставления всем людям равных возможностей сохранения своего здоровья, расширения прав и повышения достоинства, соблюдение приоритета интересов пациентов перед интересами общества и науки.

Однако этика науки «в одиночку» не в силах выполнять функции главного регулятора научного познания. Ведь этические регулятивы опираются на различные социально-культурные установки и подчас весьма релятивны. В таких условиях будет справедливо поставить вопрос о правовой регуляции рамок чужого вмешательства в генофонд человека, индивида. Причем такая правовая регуляция должна носить международный характер. Социальная ответственность ученых должна регулироваться правовыми нормами, быть законодательно оформленной в национальном и международном масштабах, в нормах международного права. На этом пути, в частности, необходима разработка правовых документов, касающихся неподвластности чужому влиянию биологических основ личной идентичности, а также создания многоуровневой защиты жизни (включая период эмбриогенеза). Видимо, настало время чет-

ко определить, что любая стадия человеческой жизни (будь то «ооцит», «бластоциста», «эмбрион» и т.п.) должна иметь все степени защиты. Недопустимо отношение к человеческому зародышу как к «сгустку тканей», а не к человеку.

Актуальность этих мер диктуется тем, что антропогенетика сегодня непрестанно расширяет технологические возможности контроля и вмешательства в естественные процессы зарождения, протекания и завершения человеческой жизни. Как уже отмечалось, стали обыденной практикой различные методы искусственной репродукции человека, замены органов и тканей, нейтрализации действия вредоносных или замещения поврежденных генов, продления жизни, воздействия на процесс умирания и др. Во всех подобных случаях исследователи сталкиваются с пограничными ситуациями, когда трудно сказать, имеют ли они дело уже (или еще) с живым человеческим существом или только с конгломератом клеток, тканей и органов. Пределы вмешательства ученых в жизненные процессы и функции определяются не только расширяющимися научно-техническими возможностями, но и нашими представлениями о том, что есть человек, а следовательно, и о том, какие действия и процедуры по отношению к нему допустимы, а какие — неприемлемы.

Таким образом, перспектива дальнейших генетических исследований человека со всей очевидностью демонстрирует необходимость не только философски, но и юридически определить такие понятия, как «человек» и «человеческое существо». Представляется, что такое разграничение оказалось бы очень важным не только для тех, кто подвергается генетическим и биомедицинским воздействиям, но и для всех людей в целом. Ведь тем самым мы, люди, не просто словесными формулировками, но и своими решениями и действиями даем определение самих себя как допускающих или не допускающих те или иные вмешательства в жизнь человека, в нашу жизнь.

Достижения наук о природе в основном способствовали колоссальному возрастанию человеческого благополучия. Когда же новые технологии порождали вполне правомерные морально-этические, правовые и философские вопросы, человеческое сообщество в целом демонстрировало готовность

обсуждать эти вопросы открыто и искать такие ответы, которые направлены на общее благо. Хотелось бы надеяться, что так будет и впредь.

Весьма важно видеть социальные аспекты антропогенетических исследований, их гуманистическую направленность, исключаящую манипуляторские подходы к человеку и исходящую из уважения его свободы и уникальности. Уберечь генофонд человечества, всячески защищая его от рискованных вмешательств, и при этом извлечь максимальную выгоду из уже полученной бесценной информации в плане диагностики, профилактики и лечения многих тысяч наследственно обусловленных недугов — вот главная задача антропогенетики и медицины, которую необходимо решать уже сегодня.

Примечания

- ¹ *Асанов А.Ю., Демикова Н.С., Морозов С.А.* Основы генетики и наследственные нарушения у детей. М., 2003. С. 11.
- ² *Силуянова И.В.* Биоэтика в России: ценности и проблемы. М., 2001. С. 102.
- ³ *Рич В.* Модели моральной медицины в эпоху революционных изменений // Биоэтика. Проблемы и перспективы. М., 1992. С. 36—45.
- ⁴ *Хабермас Ю.* Будущее человеческой природы. М., 2002. С. 78.
- ⁵ *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. С. 163—167.
- ⁶ *Энгельгардт В.А.* Наука, техника, гуманизм // Вopr. философии. 1980. № 7.
- ⁷ *Лежен Ж.* Генетика и психическое здоровье // Генетика и благосостояние человечества. М., 1981. С. 92.
- ⁸ *Юдин Б.Г.* Здоровье человека как проблема гуманитарного знания // Философия здоровья. М., 2001. С. 67.
- ⁹ Там же. С. 83.
- ¹⁰ *Фукуяма Ф.* Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М., 2004. С. 245.
- ¹¹ *Engelhardt D. von.* Health and Disease: 1. History of the Concepts // Encyclopedia of Bioethics. N. Y., 1995. V. 2. P. 1091.
- ¹² *Хабермас Ю.* Цит. соч. С. 87.
- ¹³ Там же. С. 34.
- ¹⁴ *Юдин Б.Г.* Биотехнологическое конструирование человека // Биология и культура. М., 2004. С. 488.
- ¹⁵ *Фукуяма Ф.* Цит. соч. С. 148.

-
- ¹⁶ *Лопухин Ю.М.* Биозтика в России // Вестн. РАН. 2001. Т. 71, № 9. С. 774.
- ¹⁷ *Борисов Ю.* Генетика и поведение человека: этический контекст // Человек. 2003. № 2.
- ¹⁸ *Фукуяма Ф.* Цит. соч. С. 72.
- ¹⁹ *Kramer P.D.* Listening to Prozac. N. Y., 1993. P. 44.
- ²⁰ *Diller L.D.* Running on Ritalin. N. Y., 1998.
- ²¹ *Хабермас Ю.* Цит. соч. С. 81.
- ²² *Юдин Б.Г.* Биотехнологическое конструирование человека. С. 486–487.
- ²³ Там же. С. 488.
- ²⁴ *Хабермас Ю.* Цит. соч. С. 81.
- ²⁵ *Ницше Ф.* Сумерки кумиров // *Ницше Ф.* Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 611.
- ²⁶ *Хабермас Ю.* Цит. соч. С. 55.
- ²⁷ *Капица С.П.* Главная проблема человечества // Вестн. РАН. 1998. Т. 68. № 3. С. 240.
- ²⁸ *Иванов В.И., Ижевская В.Л.* Генетика человека: этические проблемы настоящего и будущего. Проблемы евгеники // Биомедицинская этика. М., 1997. С. 108.
- ²⁹ Convention for the Protection of Human Rights and Dignity of the Human Being with regard to Application of Biology and Medicine: Convention on Human Rights and Biomedicine. Oviedo, 4/1 Y-1997, Europ. Treaty Series/ I 64.